

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Алексинская средняя общеобразовательная школа имени К.И. Ракутина»**

**Материалы к спецкурсу: Литературное краеведение.
«Село Алексино в биографии М.М.Пришвина».**

учитель русского языка и литературы

Казьмина Е.П.

с.Алексино

2022г

1.Малая родина

Известно, что связано с жизнью Пришвина, эпизодом из его жизни.

Смоленщина, Дорогобужье, Алексино стало прошедшим эпизодом жизни М.М.Пришвина. Но всё, что там было сделано, что было пережито, осталось в памяти и отразилось в творчестве писателя.

Очень точно подметил К.Г. Паустовский: «Жизнь Пришвина – пример того, как человек отрешился от всего наносного, навязанного ему средой, и начал жить только «по велению сердца». В таком образе жизни заключается величайший здравый смысл. Человек, живущий «по сердцу», в согласии со своим внутренним миром, – всегда созидатель, обогатитель и художник» . Ехал на Смоленщину он с мрачными мыслями, с насторожённым отношением к русскому мужику, с надеждой на скорый отъезд. За плечами был немалый жизненный опыт, занятия писательским трудом и фольклором, работа агрономом, корреспондентом, библиотекарем, экспертом по вопросам археологии, секретарём в министерстве торговли, знакомство с известными людьми, членство в Географическом обществе, назначение на должность учителя географии в Елецкую гимназию. В сборах оказали помощь приятели с положением в обществе: А.В. Луначарский, выписавший мандат на собирание фольклора, Н.А. Семашко, давший заядлому охотнику справку на получение шести фунтов пороху. На тюке с вещами писателя было написано: «Фольклор, продукт ненормированный».

Встретили недружелюбно, но...

Смоленская глубинка привлекала писателя возможностью побыть наедине с собой в общении с природой («никогда не было так тесно среди людей», «небо и лес со мной»), вдоволь поохотиться, попробовать себя в новой роли – учителя.

«Мне представилось, что если я там буду учить деревенских ребят, то, может быть, это будет так же интересно, как и писательство», – пишет он в автобиографическом произведении «Охота за счастьем» (1926). Что ждало купеческого сына, писателя в смоленской глуши? Голод, холод, бытовая неустроенность, болезни, ухудшение отношений с женой, подтрунивание мужиков над «антиллигенцией», мужицкое презрение и недоверие к «образованному».

Но Пришвин сможет убедиться, что, видя добро, идущее от человека, русский мужик умеет быть благодарным. Только тем, что давала охота, прокормиться было невозможно – писатель, запасшись списком родственников жены, навещал то одних, то других, представлялся, и, несмотря на то что «каждый кусок хлеба, каждый глоток молока были на счету», гостеприимные хозяева принимали, кормили и давали с собой. Зимовать в сенном сарае было невозможно, и Пришвин отправился в Дорогобуж в отдел народного образования, где «в 5 минут получил назначение учителем (шкрабом) в одну школу, расположенную ещё вёрст на 10 дальше от города». Это произошло 1 августа 1920 года, а уже 6 августа Пришвины поселились в Алексине, прямо в усадебном доме Барышниковых. Из дневника писателя: «Алексино – громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы, идёшь почти час, и всё почти берегом озера, окружённого сплошной кущей вековых деревьев».

Время в стране было сложное, позднее писатель напишет: «Не было у меня в то время ясного сознания для действия». Возможно, поэтому он записался в крестьянское сословие, что ничего, кроме скепсиса, не могло вызвать у местных жителей. «Деревня – мешок злобно стучающих друг о друга костей», – записано в дневнике писателя.

тря на то что «каждый кусок хлеба, каждый глоток молока были на счету», гостеприимные хозяева принимали, кормили и давали с собой. Зимовать в сенном сарае было невозможно, и Пришвин отправился в Дорогобуж в отдел народного образования, где «в 5 минут получил назначение учителем (шкрабом) в одну школу, расположенную ещё вёрст на 10 дальше от города». Это произошло 1 августа 1920 года, а уже 6 августа Пришвины поселились в Алексине, прямо в усадебном доме Барышниковых. Из дневника писателя: «Алексино – громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы, идёшь почти час, и всё почти берегом озера, окружённого сплошной кущей вековых деревьев».

2.«Высшая награда – любовь детей»

Школа второй ступени, в которой обучались 45 учащихся, была открыта 5 сентября 1919 года – она была организована стараниями Елены Сергеевны Лютовой, которая ещё ранее со своей сестрой Александрой преподавали в местной школе первой ступени. И хотя усадьба первоначально находилась в ведении комиссии по охране памятников искусства и старины, имела охранную грамоту от 5 марта 1920 года как высокохудожественный

памятник зодчества XIX века, о хорошей сохранности её уже тогда говорить не приходилось.

Из «Мирской чаши» узнаём, что заселение дворца началось с детской колонии, которая поначалу была в восточной части первого этажа, затем перебралась в западную, на её месте разместилась школа, затем они перешли на второй этаж, а на первом расположился Культком, но и он вскоре перешёл на этажи выше, а первый этаж продолжали заселять прочие организации. «Пять комнат на втором этаже, однако, были нетронуты» – это был музей усадебного быта, созданный по инициативе уездного уполномоченного Н.И. Савина.

Писатель в качестве учителя русской словесности был находкой для сельской глубинки, да и сам он смотрел на учительство как «на последний якорь спасения», но бытовые проблемы и здесь не отступали. Коллеги писателя имели какое-никакое хозяйство, а у него не было ничего. Часто ему приходилось подменять других учителей, чтобы те могли заняться огородом – а как иначе? Вот дневной рацион Пришвина: утром чёрный хлеб с горячей водой, подкрашенной жжёной рожью, в обед бураки с картошкой, вечером при лучине повторение бураков. За месяц работы он получал восьмушку махорки, две коробки спичек и шесть фунтов овса. Городским шкрабам бесплатно выдавали кислую капусту, а сельский учитель и этой привилегии был лишён.

А работать учителем Михаилу Михайловичу действительно понравилось, он даже принял участие в съезде учителей II ступени. «Есть ли на свете дело лучше учителя в школе? Глаза, как звёзды, горят в ожидании слова». Да и благодарность родителей была налицо – посетив дом ученика, учитель не уходил голодным и с пустыми руками, а крестьянин Е.И. Барановский, увидав осенью писателя идущим на охоту в болото в калошах на босу ногу, подарил совершенно новые сапоги. «Я был хаотичен, но талантлив, как начинающий. ... Отцы уважали за мужской пол, за возраст (48 лет), за бороду», – описывает своё учительство Пришвин в «Охоте за счастьем». Он получил «высшую награду – любовь детей».

3.«Писатель-географ» и... экскурсовод

Со своими учениками он занимался краеведением, считая его важным в воспитании народного сознания. 14 сентября 1920 года Пришвин был принят в члены Дорогобужской уездной комиссии по делам музеев. Н.И. Савин предложил кандидатуру шкраба на должность заведующего местным музеем.

Писатель пробыл заведующим с 5 марта по 29 ноября 1921 года. В школе не было библиотеки, наглядных пособий – экспонаты музея помогали ему в организации уроков. Он проводил экскурсии по экспозиции для местных жителей и приезжих из города.

Жизнь Пришвина была и впрямь сравнима с судьбой Робинзона на острове... Он говорит о своей жизни: «Подземно-затаённая, как у деревьев, занесённых снегом». «Как я опустился в болото! ... Ничего не читаю, ничего не делаю», – пишет он. Иногда он выбирался в уездный центр: «Выкопал в Дорогобуже Ремизова, Городецкого».

В то же время полугодовалый писатель не уставал любоваться природой, ходил на охоту, фотографировал. «Писатель-географ» (так его назвал профессор Ю.Г. Саушкин) восхищался местной первозданной природой: «Найдёшь себе кочку величиною со стол, и в неё как в постель, только руками поводишь, гребёшь в рот клюкву, чернику, бруснику – кум королю!» – пишет он о болоте Чистик, в районе которого охотился. Кстати, в «Мирской чаше» он поясняет, что чистиками называют все питающие реку мхи, и высказывает мнение о том, что на территории нужно создать заповедник.

Пришвин, не прекращая, вёл дневники, в которые записывал свои философские раздумья. В Алексине он наконец понял, как надо писать: рассуждения не должны мешать, «надо отделаться от мысли и просто описывать виденное». Смоленский период своей жизни он отразил в философской повести «Мирская чаша» («Раб обезьяний»), рассказах «Охота за счастьем», «Школьная робинзонада». «Робинзонада» М.М. Пришвина закончилась 19 марта 1922 года. Позднее он скажет о смоленском периоде жизни как о наиболее достойном, какой только в жизни бывал.

4. Экспедиция в Дорогобуж

30 июня 2022 года дружный коллектив кафедры литературы Смоленского государственного университета в составе профессора Л.В. Павловой, доцентов Э.Л. Котовой и О.А. Новиковой, под руководством заведующей кафедрой И.В. Романовой и в сопровождении оператора ГТРК «Смоленск» Д.В. Артёменко посетили пришвинские места Смоленщины.

Вначале прибыли в старинный город на Днепре Дорогобуж, письменное упоминание о котором относится к 1150 году. Его основал смоленский князь

Ростислав как город-крепость для защиты Смоленска с востока. Крепость заложили на высоком холме при впадении речки Ордышки в Днепр. На детинце был построен храм, предположительно в честь святых Бориса и Глеба (не сохранился). Со временем за историческим детинцем у местных жителей закрепилось название «Вал». В 1508 году крепость была сожжена, вскоре московский князь Василий III приказал построить новую, большую по размерам и состоящую из трёх частей. Вал оставался центром города, он был застроен. Пожар полностью уничтожил крепость в 1763-м.

Дорогобужская земля не раз оказывалась в эпицентре войн и делёжек: 14 июля 1500 года произошла битва при Ведроши между литовскими и московскими князьями, не обошли стороной край события двух отечественных войн. Тем не менее город каждый раз поднимался из руин и развивался. К началу XX века в городе было много каменных домов, 12 храмов, городская больница, а местные жители (мещане «в хорошем смысле слова») пользовались особым тайным кубрейским языком, понятным только им (словарь языка составил этнограф В.Н. Добровольский). Именно таким Дорогобуж увидел М.М. Пришвин. К сожалению, после Великой Отечественной войны в Дорогобуже из всех каменных церквей сохранился полностью храм Петра и Павла (1835) и частично – Духовской (Дмитриевский) храм, который теперь является составной частью Свято-Димитриевского женского монастыря (1998). Таким образом, Пришвина помнят эти два храма и отдельные сохранившиеся каменные здания города.

Обо всём этом исследователи из Смоленска узнали в Дорогобужском историко-краеведческом музее, ведущем свою историю с 1918 года и возобновившем свою работу 9 мая 1980 года. Гостей приветливо встретила его директор Т.А. Московченко. Татьяна Антоновна провела экскурсию по экспозиции, обратила особое внимание на факт пребывания М.М. Пришвина на дорогобужской земле (в музее ему посвящён отдельный стенд). Наибольший интерес у посетителей вызвали фотографии старого города, по которому ступала нога известного писателя, и уж совсем восторг – скульптура писателя в дереве работы скульптора С.А. Лонка, попавшая случайно в местный музей из Дома литераторов. Также филологи профессионально заинтересовались происхождением названия города. Здесь существует как минимум две версии, одна из которых – легенда о разбойнике Буже.

Затем Татьяна Антоновна провела экскурсии по Дорогобужу и Алексину. Гости смогли своими глазами увидеть те объекты, которые видел писатель, в некотором смысле – ощутить обстановку, в которую неожиданно для себя попал он. Вот исторический вал, детинец – сейчас здесь мемориальный комплекс, в 1920-е картинка была другой, но увидеть её помогли музейные экспонаты. Вот Крест, упоминаемый Пришвиным, до сих пор являющийся главным городским перекрёстком. К сожалению, где находился отдел народного образования, в который обращался писатель, неизвестно.

5. Уникальное Алексино

Оказавшись в Алексине, ещё глубже погрузились в былое, невольно представили, где жил, ходил, работал известный писатель. Алексино – великолепный усадебный комплекс эпохи классицизма. Его основатель – офицер, дворянин Иван Иванович Барышников. Состоятельный человек мог позволить себе построить дом-дворец с ажурными чугунными балконом и подпорными колоннами, создать чудесный парк с аллеями, в котором насчитывалось более тысячи разнообразных растений, цветник, оранжерея, огромный каскадный пруд. Над проектами зданий работали специально приглашённые известные скульпторы М.Ф. Казаков, О.И. Бове, Д. Жилярди. Даже хозяйственные постройки были спроектированы высокохудожественно – в виде крепости, названной в честь второго владельца усадьбы Андреевской.

Будучи человеком просвещённым, И.И. Барышников радел за русскую культуру и искусство, поэтому в усадьбе была собрана хорошая библиотека и коллекция картин, в специально построенном павильоне организован музыкальный салон, возведена церковь Михаила Архангела, которая стала родовой усыпальницей. Даже предпринимательская деятельность помещика была сопряжена с наукой, с прекрасным: на территории усадьбы были писчебумажная фабрика и конный завод, большой плодовый сад. В имении работала школа крепостных художников, был организован оркестр из крепостных музыкантов, а возле господского дома разгуливали павлины.

Наследником Ивана Ивановича стал сын Андрей, который продолжил дело отца – уже при нём в Алексине была построена церковь Андрея Стратилата (1847). Немало для развития села сделали последние владелицы усадьбы сёстры Мария и Христина – они организовали художественную вышивальную мастерскую, построили школу для крестьянских детей (1913) и больницу (1914).

6.«Объект находится на охране»...

Алексино, 1920 год. Некогда ухоженная усадьба теряет свой нарядный вид. Множество новых жильцов главного дома не способствуют хорошему состоянию его и в целом имения. Пришвина удручает такая картина. Его хороший знакомый, архитектор-реставратор П.Д. Барановский восклицал: «Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии... В парке ещё последний павлин бродил... Однако всё приходило в запустенье».

Алексино, 2022 год. Многие усадебные постройки сохранились, но находятся в ужасном состоянии. Вход в главный дом кое-как заколочен досками. Табличка на нём – «Объект находится на охране» – и та вся покорёжена. Грустно смотреть на действующий храм Андрея Стратилата, а расположенное рядом творение М.Ф. Казакова (церковь Михаила Архангела) рассыпается на глазах. В хорошем состоянии остаётся музыкальный павильон – в здании ныне работает почта. Флигели, а также Андреевская крепость хоть и далеко не в лучшем состоянии, но до сих пор используются под жильё. В более сносном виде находится здание больницы, где до недавнего времени был детский противотуберкулёзный санаторий. А вот ныне действующая школа, построенная сёстрами Барышниковыми, радуется своим состоянием – и сейчас в ней учатся дети (всего 45). Её особенностью является глобус, расположенный на крыше.

Делегация Смоленского государственного университета побывала возле всех этих объектов, посетила школу. Филологи с интересом слушали рассказ Т.А. Московченко, рассматривали всё, задавали вопросы, фотографировали и фотографировались на фоне исторических зданий. Местная природа (особенно пруд) впечатлила всех. Недаром писатель подпитался здесь энергией и уезжал, готовый к дальнейшей плодотворной деятельности.

К группе гостей присоединились два мальчика лет тринадцати из местных жителей. Оказалось, они многое знают о месте, где живут. Жалко, очень жалко, что всё приходит в запустение, разрушается. В память о писателе Пришвине, об активных российских деятелях Барышниковых, для этих мальчишек и их потомков необходимо реконструировать усадьбу.

Усадебный комплекс и великолепная местная природа могут сделать Алексино жемчужиной Смоленщины, настоящей туристической Меккой. Эльмара Нургалеевна Фаустова

Советский и российский эстетик, социолог; поэтесса; писательница, главный редактор Международного журнала «Новые Витражи» Научный сотрудник сектора живой традиционной культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

7.0 КРАЕВЕДЕНИИИ очерка Пришвина«Башмаки», приводит данное там собственное пришвинское понимание

краеведения: «Если бы жизнь пришлось повторять, я непременно бы сделался краеведом, но не таким, какие они есть – ученые специалисты, или энциклопедисты, а таким, чтобы видел лицо края. Многие думают, и этот предрассудок широко распространен, что если изучить край во всех отношениях, и эти знания сложить, то и получится полное представление о том или другом уголке земного шара. Но я думаю, что сложить эти разные знания и получить из них лицо края так же невозможно, как сварить в колбе из составных элементов живого человека. Сколько вы ни изучайте край и сколько вы ни складывайте полученные знания, и все-таки непременно останутся места, наполнить жизнью которые может только простак, сам обитатель этого края. Вот мне и кажется, что настоящий краевед должен исходить не от своего знания, например, какой-нибудь ихтиологии, а от жизни самого простака (я не люблю слово обыватель). Для этого, скажут мне, существует наука этнография, но и про этнографию я скажу то же самое; живую жизнь она пропускает, для того, чтобы схватить живую жизнь, нужно найти секрет временного слияния с жизнью самого простака; самое трудное в этом слиянии, что его нельзя задумать и осуществлять по программе, а как-то – чтобы оно выходило из всей натуры самого себя...» [1, с. 41] При этом

Анциферов замечает, что «интуиция для краеведа не то же, что для беллетриста», поскольку «работа его должна покоиться на тщательном исследовании своего края и носить строго научный характер» [1, с. 41]. Получается, что Пришвин сам готовит себе капкан в дискуссии с милыми его сердцу краеведами, утверждая абсолютный приоритет местного жителя («обывателя этого края»), который и обладает чувством края (Пришвин же в Переславле не местный!). Таким образом, оставляя в стороне личную неприязнь Смирнова, его конфликт с Пришвиным в методическом аспекте разгорелся из-за того, что Пришвин, во-первых, казался в Переславле столичным чужаком, да еще обладающим определенными амбициями в налаживании там краеведческой работы, и, во вторых, из-за деклараций Пришвина о предпочтении краеведа-простака, краеведа-обывателя краеведу-ученому. Что же касается проблемы «искажения» реальной переславской действительности, то здесь все оказывается не так просто, ибо мы, как уже говорилось, вторгаемся в сложную область формирования художественного образа, в область творческого видения писателя. А Пришвин, что бы он не говорил о научном краеведении, – по существу своего таланта и метода освоения действительности – остается художником слова. Именно это, а не рассуждения о предпочтении местных – заезжим, простых – ученым, является краеугольным камнем его метода,.

М.М. Пришвин стоял у истоков краеведческой работы в Ельце. В дневнике и в романе «Кашеева цепь» описывается создание музея, который был расположен тогда на Торговой улице (Мира). Сейчас на этом месте стоит Дом торговли. Елецкое краеведение многим обязано Пришвину. Художник в нем был еще и философом, ученым, требовавшим от человека постоянного осмысления окружающего: «Наша Россия, как родина наша, очень маленькая, такая, какой мы видим ее с нашей родной колокольни, чувство родины дает нам представление, подобное тому чувству, которое в древности

создало образ плоской земли. Когда к чувству присоединилось знание, земля стала шаром. Так наша родина Россия, если мы узнаем географию, станет для нас отечеством: без знания своей родины она никогда не может быть для нас отечеством»¹. И сегодня эти мысли Пришвина поражают своей глубиной и актуальностью.

М.М. Пришвин воспринимал природу родного края в четких и ясных контурах. В тщательности вырисовки картин природы его можно сравнить с И.И. Шишкиным. «Мое настоящее искусство – живопись, – говорил Пришвин – но я не могу рисовать, и то, что должно быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистее, из фраз то прямые, как стены древних храмов, то гибкие, как в завитках рококо»². Стремясь показать красоту родной природы, ее насыщенность красками, Пришвин создает живописные картины в своих повестях и миниатюрах. «Разольется река и неодетые деревья там и тут верхушками торчат из-под воды, и на этих сучках собирается столько всяких маленьких темных зверушек, что иная веточка от них кажется похожей на гроздь черного винограда»³; «Соберитесь в себе до конца в лесной тишине, и тогда, может быть, усмотрите, как, напряженным лбом своим белым и мокрым под красным, ярко-желтым или лиловым платочком, поднимает сыроежка над собой земляной потолок с мохом, хвоинками, веточками и ягодками брусники»¹.

Чувственно воспринимаемая природа все более приближается к человеку, создается иллюзия ощущения материального. Это и есть тот эффект, которого добивается автор, устанавливая родственные отношения с миром средней полосы России. Поэтому, по мысли Т.Я. Гринфельд-Зингурс, «природа, благодаря верному глазу художника и его «терпеливым раскопкам», воссоздается земной, с ощущаемой массой, весом, с пятнами и щербатинами, иногда ясной и светлой, иногда с ужасным холодом и гримасой распадков и оврагов, народной и узнаваемой»².

Как напутствие начинающим краеведам звучат теперь пришвинские слова о работе с «живым материалом»: «Обывателю его беседы даются даром, но ведь журналисту нужно в конце концов что-то сделать из этого материала; естественное внимание разбивается постоянным отбором материала, сочувствие человеку обрывается скукой, если он, как это бывает всегда, вдается в рассказе в ненужные подробности, или, наоборот, вдруг влечет какой-нибудь неожиданный оборот речи, явится страх, как бы не забыть его, и очень мешает вниманию. И самое ужасное, что в те минуты, когда или от

скуки, или от наплыва мыслей, посторонних разговору, исчезает из сознания собеседник, - лицо журналиста должно оставаться обманчиво-внимательным и сочувствующим. Невозможно, совершенно немислимо все это проделать, если не обладать чувством родственного внимания к другому человеку. Не иметь в душе своей смутную надежду, что испытанием другой души раскроется и своя собственная, что человеческие отдельности и в конце концов только разные переживания единого в себе лица" (11, т. 3, с. 460-461).

Фаустова Э.Н.

9. ПРИШВИН В ДОРОГОБУЖСКОМ КРАЕ

Мотивы переезда М. Пришвина в Дорогобужский край

В 1918-1919 годах М.М. Пришвин жил в Ельце, где с увлечением занимался организацией краеведческого дела, а также преподавал словесность в той самой гимназии, из которой был когда-то исключен.

Его мучили мысли о грозных переменах, обрушившихся на страну. Он не принимал агрессивность революции. Утверждавшиеся насильственно новые порядки несли разрушение традиционного уклада жизни. Своё отношение к историческому перевороту Пришвин выразил очень резко: «В голодно-холодной кровавой завесе мира вырисовывается для большинства людей лик врага (он) — кто это он? — Большевик» .

На самом деле смятение духа постигло в те годы многих интеллигентов: подобного рода переживания мучили М.Горького, что отразилось в его «Несвоевременных мыслях» (1917-1918), И.Бунина – в его «Окаянных днях», В.Короленко – в серии писем 1919-1921 годов к А.В.Луначарскому и Х.Г.Раковскому, в которых он протестует против красного террора, против расправ ЧК.

И, конечно, в это время Пришвина волнует судьба культуры, нарушение преемственности. С глубокой тревогой он обобщает суть поворота в развитии страны: «Никогда не было ещё духовное состояние наше так понижено, как теперь, обнищание духа, видимо, идёт параллельно с экономикой: своеобразное доказательство зависимости духа от материи. Основная причина, я думаю — это разрыв с общемировой культурой и остановка: культура есть процесс и не может останавливаться» . Шла Гражданская война, и сам Пришвин едва не погиб в 1919 г., когда

устроившие погром казацкие отряды Мамонтова чуть не расстреляли его, приняв за еврея.

В Ельце он оказался в тяжёлых жизненных условиях – к началу 1920 года голод, холод и тиф становятся палачами массы людей. Умирают его родные, ему снятся зловещие сны с ушедшими из жизни сестрой и братьями. Сложился контраст между присущим Пришвину светлым мироощущением и жестокой реальностью Гражданской войны.

Пришвин с ужасом наблюдает бедствия, всеобщая нищета становится нетерпимой. В дневник он как будто бы отстранённо вносит отдельные чудовищные факты, которые в тех обстоятельствах представляются трагической обыденностью: «...Иван Михайлович (Журавлев) и жена его Мария Ивановна умерли от тифа во время кризиса, а дети все перенесли тиф, но потом, слабые, замёрзли». Он пишет о том, что для обогрева сожгли уже в доме всё, что может гореть, и завтра вся семья с детьми пойдёт воровать дрова – иначе насмерть замёрзнут.

Теперь необходимо было уехать, чтобы где-то выжить.

Решение

В начале 1920 года он с тревогой запишет в дневнике: «Моя тоска похожа на тоску во время смерти Лиды <сестры>: не совершается ли что-нибудь ужасное с Ефросиньей Павловной?» Этот страх связан с его первой женой Ефросиньей Павловной Смогалёвой – крестьянкой родом из деревни Следово Дорогобужского уезда, с которой он сблизился ещё в 1903 году после пережитой им не сложившейся, но оставшейся в памяти на долгие годы любви к В. Измалковой. Позднее случайность свела его с женщиной из другого сословия, с иными представлениями о жизни. «Пришвин не женился, а именно сошёлся с Ефросиньей Павловной. Жениться он и не мог — она ведь была замужем, и официально брак свой они оформили только после революции. Он не относился к этой связи очень серьёзно и в любой момент был готов с крестьянкой расстаться». Стечением обстоятельств рождён этот союз, но он связал двух столь различных людей на долгие годы. Обвенчались они только в 1917 году, к тому времени похоронили первенца, и росли у них двое сыновей – Лёва и Петя. Пришвин не был душевно привязан к жене, и только тяготы жизни заставили его двинуться к ней, чтобы «сесть на землю». И этим спастись.

Сам Пришвин с детства жил в имении, был привязан к природе, потом в Германии получил агрономическое образование, и потому ему казалось, что

спасение можно найти в деревне. Его очень скромное имение «на горе» в Хрущёве «реквизировали» в годы революции, осесть на родине он не мог. После разорения его жена с сыном Петей уехали в Дорогобужский край, а Пришвин остался в Ельце со старшим сыном Лёвой. Через полтора года для него переезд в Дорогобуж стал неизбежным – необходимо было выжить, сохранить жизнь любимого сына Льва. Писатель был очень к нему привязан и трогательно признавался: «На свете нет большего счастья, как дружба с ребёнком» .

Решение давалось с трудом, созревало месяцами. Не дождавшись приезда жены, он записывает в дневнике: «Получено письмо от Е. П., что не приедет, зовёт к себе. Внезапное решение: продать всё, купить лошадь с телегой и ехать в Дорогобуж. Высчитан по атласу Петри циркулем путь: 460 верст, Елец – Новосиль – Мценск – Белев – Сухиничи – Ельня – Дорогобуж. По 40 в. в день – 12 дней» . Он готов был пешком идти такое большое расстояние. Однако колеблется, но решается от безвыходности: «Все завидуют, что еду — чему завидуют! еду в пустыню, без средств, с огромным риском умереть от тифа. Это рискованное предприятие, стоит ли цель средств? Цель — отдохнуть за лето, собраться с силами, устроить детей в Дорогобуже и поехать в Москву на литературную разведку» . Так что надолго оставаться на Смоленщине он тогда не планировал. Нужно было только набраться сил.

Отъезд откладывался, так как из-за Гражданской войны возрастал риск в дороге быть ограбленным или даже убитым. Но к этому времени слово «Дорогобуж» уже начинает звучать для него как заклинание. И всё же у него остаётся внутреннее сопротивление этому вынужденному переезду: «...Я представил себе ясно ту избу, где мы должны бы жить, родственников Ефрос(иньи) Павл(овны), соседей, что нет ни одной книжки, нет ни одного образованного человека и, может быть, даже, что я голый, обобраный живу на иждивении родственников Ефрос(иньи) Павл(овны) — невозможно! не избавление, не выход!» . Неуверенность в будущем угнетала Пришвина. И хотя переезд на Смоленщину как будто совсем «не выход», другого пути он не видел. Пришвин с Лёвой снялись и выехали сначала в Москву. «Момент отрыва: смертельная тоска» . Родные места наконец-то позади, впереди – надежда.

«Михаил Михайлович Пришвин уезжал из Ельца сложившимся человеком, занимающим ясную гражданскую позицию, глубоко обдумывающим сложные события в исторической судьбе России и роль в них творческой

интеллигенции. Он был в расцвете не востребуемых творческих сил» . Он внутренне готовился к активной деятельности, размышлял о том, чем будет заниматься на новом месте.

К этому времени он был человеком с разносторонними интересами: он «занимается биологией и философией, увлекается химией и музыкой Вагнера, высшей математикой и натурфилософией Гёте» . Ему было необходимо удовлетворять свои духовные потребности.

После короткого пребывания в Москве Пришвины отправились в Дорогобужский край.

Прибытие

В Дорогобуж Пришвин прибыл по официальной бумажке от Наркомпроса, добытой им в Москве у хорошего знакомого А.В. Луначарского, «для изучения памятников искусств, старины и природы». Сначала они приехали в Следово – родину Ефросиньи Павловны. Здесь он вдруг причисляет себя к крестьянскому сословию, поскольку, по его мнению, именно оно теперь становится господствующим, в то время как интеллигенция, напротив, становится зависимой, подчинённой, какими совсем недавно были мужики. Это был удивительный шаг. Его, конечно, интересует жизнь мужика, но приобщить себя к этому сословию... Он пытался по-своему встроиться в новые отношения. Жизнь вынуждала его идти на самые неожиданные шаги.

Остановились в деревенской избе, и уже здесь Пришвин нашёл какое-то отдохновение для встревоженного сердца: «Жизнь в избе у Андрея Прокопьевича хороша тем, что тут как бы нервный узел природы, и небо, и лес, и вода, и воля — всё посылает сюда свои нервы, и, живя в избе, вы чувствуете всё в природе...» . Пришвин приближался к нетронутой человеком природе, что означало для него как бы возвращение к своему естественному состоянию.

Наконец, решение доводится до цели: «Писатель Пришвин с семейством идёт лесами в Алексино определяться на службу шкрабом » И хотя тревога не покидала его, он уже настроился на новый этап своей жизни, на новую работу, на особый, очень любимый им душевный отдых с погружением в природу.

Итак, 6 августа 1920 года Пришвины поселяются в селе Алексино Дорогобужского уезда. Он попал в заповедное место, облагороженное архитектурными шедеврами М.Ф.Казакова, О.И. Бове, Д.Жиллярди – это

усадебный дворец, храм Михаила Архангела (архитектор М.Ф.Казаков, предположительно с барельефами Ф.И.Шубина), церковь Андрея Стратилата, Андреевская крепость, Музыкальный павильон.

Писатель стал преподавателем русской словесности в школе II ступени, где предполагался довольно высокий общеобразовательный уровень. В ней обучались учащиеся 6-9 классов. Школа расположилась в усадьбе Барышниковых – уникальном сооружении, украшенном шестью витыми металлическими колоннами тосканского ордера и длинным балконом с решетками из изящных кружев чугунного литья. Пришвина восхищалась красотой этого необычного дворца, большого парка, озера. Всего несколько лет назад здесь всё было ухожено и исполнено жизни. А теперь наступили другие времена... Об этой усадьбе писал знаменитый архитектор-реставратор П.Д.Барановский, уроженец этих мест и хороший знакомый М.М.Пришвина: «Замечательный памятник архитектуры! Я его застал в сравнительно хорошем состоянии. В парке ещё последний павлин бродил... Однако всё приходило в запустенье... Я пытался создать в Болдине Музей народной деревянной скульптуры, а он (Пришвин) был хранителем Музея усадебного быта в Алексине. В имении сохранялась прекрасная библиотека, старинная мебель и посуда, роспись, лепка, драпировка...»

Ещё недавно залы Дворца украшали художественные сокровища мирового уровня: «Будучи тонкими ценителями искусства, Барышниковы собрали в своих усадьбах большие и ценнейшие коллекции произведений искусства, которые включали в себя полотна Рафаэля, Тропинина, Левицкого, Ротари, Брюллова, гравюры Дюрера, Рембрандта, Луки Лейденского и других». Но такие ценности к приезду Пришвина уже были вывезены из Алексина в Москву и Смоленск.

Отныне судьба этого имения – боль и забота писателя, который был потрясён удручающим его состоянием. Свои переживания, свои действия, которые он предпринимал по спасению этого имения, описаны им в автобиографической повести-притче «Мирская чаша» (первое название «Раб Обезьяний»), где отражаются подлинные события, происходившие тогда в Алексине. Кроме того, этот период также описывается в рассказах "Школьная робинзоада" и "Охота за счастьем".

Вот как он описал своё первое впечатление от имения: «Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и всё почти берегом искусственного озера, окружённого сплошной кущей вековых деревьев. На озере есть островок, и там на деревьях живут

аисты, а в домике на озере лебеди и павлины ходят по берегу... Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами». Он восхищён и огорчён одновременно. Волей судьбы они всей семьёй поселились в разорённой, холодной усадьбе. И теперь одной из его жизненно важных задач стало спасение этого культурного сокровища.

Бытие и деятельность

Бытие было непростым. Это была борьба с обстоятельствами за выживание, борьба за души детей, переживавших перелом эпох, борьба за спасение духовных и материальных ценностей.

Пришвин испытывает желание вписаться в течение современной жизни, не принимая по большому счёту ни новых идей, ни нового порядка. Такое внутреннее противоречие создавало смятение в душе писателя, и он стремился не терять себя и находил спасение в разнообразных видах деятельности, в осуществлении желания быть ближе к природе. Для учителя и писателя было своеобразным испытанием погружение в народную жизнь, сближение с бытом, нравами крестьян, познание психологии простого человека.

В Алексино Пришвин стал заниматься школой (как учитель и затем как директор), организацией Музея усадебного быта, краеведением, просветительской деятельностью, сельскохозяйственными работами (работает агрономом на научной сельскохозяйственной станции А.Н. Энгельгардта), а также увлёкся охотой. И, конечно же, главным своим призванием — писательством. Очень точно передал особый характер творчества Пришвина Пётр Леонидович Капица: «Все, о чем писал М.М., всегда заключало в себе вопрос об этическом взаимоотношении человека как с окружающей его природой, так и с окружающим человека обществом. Здесь он основным мерилom человеческого счастья считал "радость личной свободы"». Своеобразная натурфилософия писателя вбирала в себя бытие природы и человека как неотъемлемой её части.

Он пишет художественные произведения и ведёт свой тайный Дневник — удивительную летопись, в которой правдиво отражается его личная судьба, каждодневные заботы, впечатления, размышления.

Конечно, сразу по прибытии новый учитель, «шкраб», озаботился образованием и воспитанием учеников. У него уже был опыт учительства — в

1919 г. он преподавал в Елецкой гимназии русский язык. Работа с детьми для него в то время была интересна, почти как писательство. Однако он своеобразно относился к процессу обучения. Он не принимал нормативности, начётничества. Позднее, в 1932 году, он пытался объяснить своё отношение к учебной работе: «Хочу продумать своё отвращение к учительству. (Хочу не учить, а беседовать, размышлять сообща и догадываться.)» . Как и ко всем делам, М.Пришвин творчески подходил к своему общению с учениками.

Он приступил к учительской деятельности по-деловому: 30 августа он принял участие в Съезде учителей II ступени. И вместе с тем включился в другие дела: 31 августа он читает лекцию на женских курсах по теме «О краеведении как деле просвещения народных масс».

В школе набралось 240 учеников. Пришвин писал, что школой руководил «двуликий Янус»: один из «лиц» отвечал за дисциплину и порядок, был строг и требователен, а другой – мягок, ласков, старался всего достичь внушением. Они дополняли друг друга и вместе вполне обеспечивали работу всего механизма школы – и процесс обучения, и элементарный порядок, и самое примитивное материальное обеспечение.

Пришвин стремился к преобразованию школы: «Мы согласуем преподавание всех предметов согласно идее кооперативного изучения местного края. И гораздо будет точнее, если мы назовем такую школу не просто трудовой, а школой общего дела...»

В нём сохранялась детскость и особая наивность, и потому он чувствовал душу детей как нечто близкое к природе, к естеству, что помогало ему находить с ними общий язык. Он преподавал русский язык, литературу, географию. Все эти учебные предметы он объединял с краеведением. У него родилась идея единства образования – процесс обучения должен создавать цельную картину жизни, всё должно объединять природу, родину с человеком, с сообществом. В этом единстве должны воспитываться души детей: они должны любить родную землю, чувствовать её красоту, её силу и вместе с тем её зависимость от отношения к ней человека.

Однако голод, холод, бесконечные поборы («контрибуции», как называли их крестьяне) осложняли работу с учениками. Пришвин выразил это очень жёстко: «Наше время коммуны — гибель детей» . И потому для него забота о детях в тех условиях была борьбой за спасение их душ. Всеми силами он стремится привлечь детей в школу с тем, чтобы организовать их, чтобы

учить для будущего. Для него было большой радостью поступление в школу крестьянских детей, он это подчёркивает: «Я испытываю гордость победителя, когда мужики обступают меня с просьбами принять и их детей в мою школу: “Попались, голубчики, — думаю я, — и мы, “шкрабы”, что-то значим на свете” .

Однако всё было организовано весьма шатко, даже прочность существования самой школы была сомнительной. Так, в самом начале учебного года в дневнике появляется тревожная запись: «Над Алексином туча нависла: сюда грозитя переехать бригада с курсами красных офицеров, и нас (две школы, колония детей, больница, экономия и т. д.) хотят выгнать» . Да и регулярность занятий тоже неустойчивая, и уже в конце октября он с горечью отмечает: «Наши голодные шкрабы мобилизованы собирать подаяние для фронта, и занятий сегодня нет» . И не только условия были тяжёлыми, но и вся организация обучения в Дорогобужье оставалась на примитивном уровне. Учитель сетует по этому поводу: «Вчера путешествовал в Озерище на собрание “шкрабов”... На собрании учителей говорили о ликвидации безграмотности, вместо букварей предлагали делать из бересты раздвижную азбуку, писать углем на струганных дощечках, уголь изготавливать, обжигая лучину с солью, и т. д., вопрос такой был, где найти для этого время» .

Пришвин не теряет надежды на возможность получения положительных результатов и очень всерьёз относится к достижению своих целей. Несмотря на то, что ученики в основном были из семей с низким уровнем развития (только один ученик был из семьи фельдшера), он делал ставку на природный ум, любознательность и учитывал тот трудный опыт, которые за последние годы накопили дети. И потому перед ними ему хотелось размышлять вслух, чтобы донести до них свои вполне взрослые, а иногда даже философские мысли. Так, при подготовке к уроку он пишет тезисы своей будущей беседы с детьми: «Речь ученикам II ступени: бессмертный — три поколения Барышниковых — три века,— скоро! ... Дело культуры — дело связи. Словесность — дело культуры — связи. Ученье как сила (диплом) и как связь. Сила, чтобы не быть рабом (пример: кто бы соли дал, присягнем всякому)...» .

Он пытается сохранить традиции, протянуть нить, связывающую поколения. Страдая от всего происходящего, углубляясь в собственный смятенный мир и стремясь сберечь основы истинной культуры, Пришвин по-своему сопротивляется эпидемии распада. Он старается вложить в сознание

учеников высокие образцы культуры, пробудить в них потребность познания духовных ценностей. Он читает детям «Одиссею», показывая разницу между этим гениальным произведением и новыми пропагандистскими поделками, выдаваемыми за «новое искусство».

Надо было защищать духовность недавнего прошлого с точки зрения гуманизма и культуры. Но, конечно, в школе насаждалась непримиримая большевистская оценка: «Вечер “среди цветов” (играли дети колонии). Последыш русского окаянства говорил детям речь:

— Роскошен этот дом, в который вас впустила советская власть, в этих роскошных стенах, что же, думаете вы, жили хорошие люди? нет! тут жила горбатая и косая.

Снега вокруг дома истоптаны и на десятину вокруг загажены» . Однако ребят в большой степени учила сама жизнь, они видели всё, что происходило, а учитель умел отметить важные моменты. И в результате в умах детей всё как-то укладывалось. Пришвин пишет в дневнике: «Интересно, что любимой темой моих деревенских учеников (темы у меня вольные) бывает Иванушка-Дурачок, который делается комиссаром-душителем своего села и под конец за воровство и пр(очее) изгоняется из партии и презираемый погибает под забором» . Такое понимание жизненных перипетий было в то время у алексинских ребят.

Пришвин разработал подробный план занятий, он сочетал устные беседы с организацией практической работы учеников. Он рассказывал об истории края, о природе верхнего Приднепровья, о климате, о растительном и животном мире, о местных промыслах и т.д. Ученики хорошо воспринимали метод обучения Пришвина. Свою работу он строил на любви к детям и к родной земле.

Кроме того, Пришвин включился в работу Музея усадебного быта, который в 1919–1920 годах был создан в «ампирном дворце» по инициативе уездного уполномоченного Н. И. Савина. Пришвин приобщился к спасению художественных ценностей. 14 сентября 1920 г. он был принят в члены Дорогобужской уездной комиссии по делам музеев и охраны памятников. Н.И. Савин пригласил нового учителя М.М.Пришвина включиться в создание фондов музея и заведовать им.

Пришвин ещё в Ельце с интересом занимался краеведением, и здесь он сразу стал собирать, атрибутировать, систематизировать ценные вещи. «Через месяц Музей усадебного быта открылся. В большом зале вышло

очень торжественно, оттого что все лишнее было убрано и правильно были развешаны портреты с Петровской эпохи и до настоящего времени. О каждом выразительном лице был подобран текст из поэтов усадебного быта, из архивных материалов дома...» . Всю душу вкладывал писатель, учитель, краевед Пришвин в дело «удержания» ускользающего культурного богатства своей Родины.

Все ценные предметы искусства и быта помещались в пяти комнатах, на двери одной из них повесили табличку «Музей». Дети колонии и школы не понимали смысла этого таинственного слова и на всякий случай не посягали на это пространство.

Пришвин стал хранителем Музея. Он с восхищением описывает интерьер Дворца: «Колонная гостиная — тоже александровский ампир, уютная комната, вся в миниатюрах, с акварелями, пастелями, офортами, тут есть драгоценный бювар с колонками слоновой кости, всякие старинные шифоньерки, шкафчик с французскими писателями XVIII века. Если нажать одну незаметную пуговку и потянуть за колонку слоновой кости в бюваре, то выдвигается секретный ящик, и там хранится пачка писем к девушке с белым цветком в руке...» Внутренне он оставался в той эпохе, когда создавались и собирались эти ценности.

Наконец, музей открылся, и появились первые посетители. Каждый из них был дорог Пришвину, но более всего его волновал интерес простых людей к тому прекрасному, которое никого не могло оставить равнодушным. У него было стремление приобщить крестьян к художественным ценностям, и потому он радовался, когда они посещали музей. С тёплым чувством он пишет о крестьянке, увидевшей чудеса дворянской усадьбы: «Сколько усилий нужно, чтобы пробудить какой-нибудь отклик в душе образованного посетителя, а баба сама скажет:

– Рай!

И потом всем деревенским бабам:

– В раю была!»

Пришвин пробыл в должности заведующего Музеем только с 5 марта по 29 ноября 1921 года, до своего отъезда из Алексино. И всё-таки он много успел сделать для сохранения богатств усадьбы и способствовал передаче их Смоленскому музею. Он также принимал участие в организации краеведческого Музея в городе Дорогобуже.

Особое место в жизни Пришвина в Алексине занимало общение с мужиками, которые не очень доброжелательно приняли барина, пытавшегося быть как бы «своим», а сам не умеет пахать землю, кладёт кривые борозды. Однако учитель проявлял интерес к крестьянскому труду, наблюдал изменения в деревенском быте. Он записывал разговоры мужиков, их выразительную речь, вдумывался в их суждения, отражал их отношение к новым порядкам. Это можно было делать только в секретных записях, поскольку алексинские мужики не скупались на выражения, обругивая перемены. В целом писатель чувствовал близость своей позиции к трезвой оценке событий крестьянами.

Вместе с тем Пришвин не идеализировал народ, он в довольно резкой форме осуждал ленивых и завистливых мужиков, их невежество и корысть, готовность к грабежу и обману. Его опыт общения с простым народом в тех условиях был не самым лёгким. Это вызвало, возможно, чрезмерно острое критическое отношение: «Какое скрыто в мужике презрение к физическому труду, к тому, чем он ежедневно занимается... «Мужики» — это адское понятие, среднее между чёртом и быком...» Редко он встречал сочувственное к себе отношение. Мужики презирали его, барина, который занимался физическим трудом и жил в нищете.

При этом писатель проявлял интерес к местному фольклору – он записывал сказки, песни, поговорки и «причать священную этого края, присоединяя листок за листком в скифскую комнату». Эти записи он использовал при создании своих произведений той поры.

Почитатель как первозданной, так и созданной человеком красоты природы, он с большой горечью наблюдал, как разрушается приусадебный парк, насчитывавший более 1000 разнообразных насаждений. Аллеи парка были уже неухоженными, о чём он с печалью отмечает в дневнике: «Теперь в парке пасут коров и мальчишки жгут костры, обжигая часто драгоценные деревья. Озеро начинает вытекать понемногу: видно, спуск испортился и некому починить». «Стоногая детвора» из колонии была неуправляемой. У этих детей были расшатаны представления о порядке, о честности, о святынях. Пришвин с возмущением пишет: «Стая окаянных мальчишек колонии бросает камни в церковный крест и называет крест — чёртов рог». И всё-таки он боролся за порядок, хотя весьма свободные в своём поведении подростки с трудом поддавались какой-либо организации. И здесь ему помогало его понимание детей, попавших в жестокие условия того времени.

Но активность Пришвина не ограничивалась учительством, работой в музее и писательством. Он увлёкся «фотоохотой», у него накопилась ценная

коллекция снимков. Заинтересовался раскопками кургана. Ну и самое главное – стал работать на опытной станции Энгельгардта, где оказалось востребованным его агрономическое образование.

Жизненные силы давала ему любовь, сердечное отношение к окружающему миру – к дыханию леса, к утренникам, к «лёгенькой порошке», к «весне света», к журавлиному клику.

Писатель как истинный любитель царства природы, слышавший её музыку, уделял ей «родственное внимание». Он заботился о её состоянии, о сохранении, о разумном использовании её богатств. Он думал о способности людей чувствовать её сердцем. Молитвой и посланием современникам и потомкам звучат его слова: «Немой стою и только после записываю: "В день грядущий, просветли, господи, наше прошлое и сохрани в новом всё, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу" .

Пришвин любил встречать рассветы и, открывая окно, слышал голоса леса, плеск воды в озере. Он проводил время на охоте, оставался надолго в лесу, на болотах, ночевал, а иногда и жил в охотничьем домике. Он растворялся в природе как её естественная часть, отвлекался от житейских забот и предавался глубоким философским размышлениям. В его произведениях при образном, эмоциональном описании леса или болота возникают мудрые мысли о законах жизни – вселенной, природы, человеческого сообщества, отдельного человека. Однако все алексинские дела больше не давали внутренней удовлетворённости. Прекратились занятия в школе, и окружающим он стал казаться бездельником, хотя продолжал работать на станции и – главное – писать. Его стала мучить сельская «простота», ему уже не доставало воздуха цивилизации.

Постепенно ухудшалось психологическое состояние Пришвина. Он задумывается над тем, что происходит с личностью в условиях того «социализма», который властно утверждался в русской провинции. Его беспокоила установка на стандартизацию людей, стремление власти «построить» всех в одну шеренгу. С тоской рассуждает он на эту тему: «... например, введение понятия “спеца” или “шкраба”: каждый из нас, образованных людей, получив ярлык спеца или шкраба, в своё время был подавлен, потому что чувствовал себя обезличенным в спеце или в шкрабе» . Ставилась цель сделать людей автоматическими исполнителями воли, которая навязывается сверху, что лишало человека возможности реализовать

способности, воплощать в жизнь свои представления о том, как надо жить. Это не мог принять Пришвин.

Писателя всё больше мучает интеллектуальный голод: рядом не было людей его уровня образования, разделявших его интересы. Он остро чувствовал свою культурную изоляцию: «...создалось так, что у меня нет ни одной книги (кроме Ключевского и детских учебников), нет ни одной газеты (даже “Известий”, даже сельскохозяйственной), нет ни одного человека, маломальски меня понимающего» . Он уточняет, что выписывать газеты невозможно, поскольку их не доставляют: говорят, что их выкуривают по дороге.

В то время Пришвин очень страдает из-за тяжёлой болезни сына Лёвы, который нуждался в серьёзной медицинской помощи. К тому же семейные отношения также становились всё напряжённее, всё нетерпимее.

Нищета и дикая бытовая неустроенность угнетали Пришвина. Его признание вызывает чувство горечи: «Как я опустился в болото! Немытый, в голове и бороде всё что-то копается. Мужичья холщовая грязная рубашка на голое тело. Штаны продраны и назади, и на коленках. Подштанники жёлтые от болотной ржавчины. Зубы все падают, жевать нечем, остатки золотых мостиков остриями своими изрезали рот. Ничего не читаю, ничего не делаю. Кажется, надо умирать? Лезет мысль — уйти в болото и там остаться: есть морфий, есть ружье, есть костёр — вот что лезет в голову» . Он думает о переезде ближе к центру — мечты влекут его к цивилизованному быту и общению. И, находясь в глухой провинции, он размышляет: «Вся интеллигенция страны собралась в два гнезда — за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое <... > Попасть туда, наговориться, начитаться — как хорошо! и если при этом не забыть себя со своей пустыней, то может быть и очень даже полезно. Непременно надо поехать...» . Теперь эта мысль неотступно преследует его. В Дорогобужье приехал ради выживания — кажется, это уже удалось.

Оставаться здесь становилось морально трудно. Внутренне он устремлён к интеллектуальному общению, к библиотеке, к старым друзьям. «Отгоняю мысль о необходимости ехать — очень опасно ехать, свирепствует тиф, умерших раздевают и голых выбрасывают из окон, ну, как тут ехать!» Он даже предпринял попытку уехать в Москву — на станции Дурово целую неделю атаковал поезда, но там посадка была не просто в толчее, а «в драку», и уехать ему не удалось. Осуществилось его желание только 19 марта. Приехал в Москву 21 марта 1922 года.

Смоленщина, Дорогобужье, Алексино стало прошедшим эпизодом жизни М.М.Пришвина. Но всё, что там было сделано, что было пережито, осталось в памяти и отразилось в творчестве писателя.

Очень точно подметил К.Г. Паустовский: «Жизнь Пришвина – пример того, как человек отрешился от всего наносного, навязанного ему средой, и начал жить только «по велению сердца». В таком образе жизни заключается величайший здравый смысл. Человек, живущий «по сердцу», в согласии со своим внутренним миром, – всегда созидатель, обогатитель и художник» .